

Brandner, Aleš

**Историческое описание сдвигов в функционировании беспредложного
винительного падежа в русском языке**

Linguistica Brunensia. 2013, vol. 61, iss. 1-2, pp. [163]-171

ISBN 978-80-210-6254-2

ISSN 1803-7410 (print); ISSN 2336-4440 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/127158>

Access Date: 06. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

АЛЕШ БРАНДНЕР

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СДВИГОВ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ БЕСПРЕДЛОЖНОГО ВИНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Abstract

Within the case of Russian the accusative case occupies a special position. It is used in noconnection with verbs only. Its basic function is to express the direct object of transitive verbs of the predicative. The accusative form of the direct object has its origins in Indo-European. Later, Proto-Slavic and individual Slavic languages inherited this construction from Indo-European. As a result, it occurs also in the East Slavic languages. Exploring the language material from old and contemporary Russian, it is then possible to demonstrate specific features of the operation of accusative as direct object in the course of historical development.

Keywords

Simple accusative, case system of Russian, direct object, transitive verbs, predicative, historical development of Russian

Падеж существует как единица многозначная. Каждый падеж имеет свою систему значений. В системе значений каждого падежа одни значения являются центральными, основными, другие составляют семантическую периферию. Центральные значения, как правило, слабее испытывают на себе лексико-семантические ограничения; значениям, составляющим семантическую периферию языка, обычно сопутствует достаточно определенная лексико-семантическая или синтаксическая несвободность (ср. Шведова–Лопатин 1990, 162).

Из анализа отдельных функций падежных форм вытекает, что синтаксические функции падежей следует принципиально отделить от всех остальных. Синтаксические функции падежей считаются свободными, грамматическими (ср. Исаченко 1954, 137). В современных славянских языках падежные формы сочетают в себе синтаксические функции с функциями несинтаксическими (адвербиальными, лексическими). Е. Курылович указал на то, что в одних падежах эти синтаксические функции являются первичными, в других – вторичными (ср. Kuryłowicz 1949, 31).

Винительный падеж занимает, как известно, особое место в системе падежей. Он употребляется только в сочетании с глаголами. Основной и типичной его функцией является выражение **прямого объекта** при переходных глаголах (ср.: *читать книгу, писать письмо, строить дом, изучать теорию, шить платье*) или в сочетании с предикативом (ср.: *Мне жаль сестру, Отсюда видно гору, Нам слышно голоса*). Элемент объектного значения, заключенный в самой форме, сохраняется и в тех случаях, когда в предложении, сообщающем о состоянии, винительный падеж приобретает субъектное значение (ср.: *Больного знобит, Голову больно, Его преследует неудача, Рабочих не устраивает ждать*). Винительный падеж не входит в состав приименных сочетаний (ср.: *рубить дрова > рубка дров, читать книгу > чтение книги*). После переходных глаголов с отрицанием винительный падеж может заменяться родительным (ср.: *Не прожили и недели, Не прошли и пяти километров, Не спит ночей*).

Винительный прямого объекта восходит к индоевропейскому праязыку и находит себе соответствие во всех индоевропейских языках. Уже в древнейшие засвидетельствованные периоды истории индоевропейских языков винительный падеж все более и более специализируется как падеж прямого дополнения при переходном глаголе. Процесс этот связан с оформлением категории глагольной транзитивности и с перестройкой всей залоговой системы. Характерные для древних индоевропейских языков более широкие возможности управления глаголов винительным падежом и значительная текучесть граней между транзитивным и интранзитивным употреблением глаголов в дальнейшем сменяются более строгой системой управления глаголов, требующих прямого дополнения в винительном падеже (ср. Шахматов 1941, 326–327; Десницкая 1947).

Все остальные функции винительного падежа считаются периферийными и относятся к **адвербиальным**; они являются замкнутыми в строгие лексические рамки значения меры времени (ср.: *работать весь день, проспать всю ночь, прожить целую неделю, ждать год, проехать сотню километров*), расстояния, веса, цены (ср.: *бежать километр, весить тонну, стоить крону*), кратности (ср.: *болеть каждую осень, повторять сотый раз*). Здесь винительный падеж не является приглагольным в том смысле, что он не зависит от глагола, и является, таким образом, адвербиальным употреблением падежа (ср. Виноградов 1972, 142).

В **древнерусском** языке сочетания слов и синтаксические связи их в предложении отличались по сравнению с современным русским языком. Особенно заметны эти отличия в такой синтаксической связи, как **управление**. В процессе развития языка, его синтаксических средств, происходят значительные изменения некоторых падежей и предложно-падежных форм, вызванных стремлением языка к большей четкости выражения определенных отношений. Падежи без предлогов были в отдаленной древности значительно более семантическими (адвербиальными). Постепенно суживался объем отношений, выраженных формами падежей без предлогов. Десемантизация

проходила неравномерно у разных падежей, представляя на самом деле их медленную синтаксизацию. Она вызвала с течением времени потребность сигнализировать некоторые конкретные (адвербиальные) значения уже не одним только падежом, а предложом + падежом. Таким образом, беспредложные формы начали вытесняться формами с различными предлогами (ср. Стеценко 1977, 97; Mrázek – Popova 1982, 91).

Праславянский язык и – позднее – отдельные славянские языки унаследовали от индоевропейского состояния падежную систему, в которую винительный падеж входил прежде всего как падеж прямого объекта. Это свойственно и восточнославянским языкам на всем протяжении их развития (ср. Станишева 1966, 30). На материале русского языка можно показать специфические особенности винительного падежа объекта. С точки зрения дистрибуции в плане синтагматическом для винительного падежа прямого дополнения характерно употребление исключительно с переходными глаголами: переходный глагол в сочетании с винительным падежом приобретает смысловую законченность только при наличии указания на объект.

Глагол, выражая действие и состояние субъекта, нуждался в грамматических средствах для дальнейшего раскрытия его содержания и уточнения его значения. Таким средством первоначально были падежные формы, которые возникли в древнейшую эпоху развития индоевропейских языков в ответ на определенные потребности и представляли собой основу грамматического строя имен в то время. Они призваны были уточнять и характеризовать действие, выраженное глаголом. Эти потребности не оставались неизменными в течение многих столетий. Падежные средства принимали на себя все новые и новые функции и с течением времени они оказались перегруженными различными значениями. Возникло несоответствие падежных средств языка потребностям, которые они должны удовлетворять в процессе достижения взаимопонимания.

Возможность образования и расширения предложных конструкций стало неизбежностью, поскольку совершенствование грамматической системы имени путем дальнейшего закрепления новых возникших в практике общения значений за унаследованными падежными грамматическими средствами становилось невозможным. С течением времени предложные конструкции стали более точно и более дифференцированно обозначать функции, прежде всего выполнявшиеся преимущественно простыми падежными формами, поскольку на этой ступени развития система языка обогатилась возможностями, которых у нее раньше не было (ср. Ломтев 1954, 46–47; Станишева 1958).

В памятниках письменности русского языка винительный падеж без объекта представлен многочисленными и разнообразными примерами. Основное значение дополнения – это *объектность действия или состояния*. Дополнение входит в словосочетания, выражающие объектные отношения. Эти словосочетания строятся на синтаксических связях управления. Наиболее типичной группой дополнений являются приглагольные дополнения.

Прямое дополнение, выраженное формой винительного падежа без предлога и употребляющееся при переходных глаголах, обозначает объект, на который непосредственно направлено действие (ср. Крысько 2006, 123–124).

Ср.: *А князи сами на себе крамолу коваху* (Сл. о. п. Иг.); *Игорь пълкы заворачачаеть ...* (Сл. о. п. Иг.); *И бы вода велика въ Волхове и въсюде, сено и дрова разнесе* (Новг. лет.); *Постави Семень Климович церковь камену на воротахъ от Прусьскои улицы* (Новг. лет.); *Того же лета взяша болгари Муром* (Моск. лет.); *А грамоту писал Ивашко Выпусковъ* (Дан. 1430 г.); *Се яз, раба божия Марья, пишу грамоту душевную целым своим умом* (Дух. 1440 г.).

Прямое дополнение, выраженное винительным падежом беспредложным, имели в древнерусском языке глаголы физического перемещения и воздействия. К таким глаголам относятся, например, *воевати*, *мьстити*, *шествовати* (ср. Крысько 2006, 129–133).

Ср.: *Поча Олегъ воевати деревляны* (Пов. вр. лет.); *...отмьстити кровь христьянскую* (Нов. лет.); *Кого ради путь сий горький шествую* (Печ. пат.).

При глаголах познания, сообщения, думания, чувствования употреблялся винительный беспредложный, выражая как прямое, так и косвенное дополнение.

Ср.: *И ть исповеда имь всю силу ихъ* (Ип. лет.); *Се бо готскыя красныя девы ... поють время Бусово* (Сл. о. п. Иг.).

А. А. Потехня объяснял такое употребление винительного падежа без предлога тем, что древнерусское сочетание типа *слышати новость* обозначало одновременно и „слышать новость”, и „слышать про новость”, но различные виды объектов еще не имели своего способа выражения (ср. Янович 1986, 258).

Сказуемое, выраженное переходным глаголом с отрицанием, могло иметь при себе прямое дополнение в форме родительного падежа (ср. Крысько 2006, 221).

Ср.: *А Игореви храбраго пълку не кресити* (Сл. о. п. Иг.); *Тьгда цесарь Ольга, узрьевъ пламень, не отвори брани противу имь* (Новг. лет.); *И стояша подь городомъ неделю, но города не взяша* (Новг. лет.); *А писци мои техъ ихъ земель и людей и варницъ не пишут* (Жал. гр. 1450 г.).

Круг глаголов, при которых употреблялся винительный падеж без предлога для обозначения объекта действия, был в древнерусском языке значительно шире. Это были прежде всего глаголы чувства, мысли, речи. Эти глаголы в древнерусском языке управляли и предложной формой (*о* + местный падеж, *про* + винительный падеж в значении непрямого объекта), причем строгой дифференциации этих двух объектов древнерусский язык не знал: как уже было сказано выше, винительным падежом выражался не только объект прямой, который испытывает на себе действие субъекта, но и не прямой объект, который не испытывает на себе действие субъекта, но который находится лишь в сфере интересов субъекта. В современном русском языке строго различается объект прямой и не прямой, ср.: *слышать песню, узнать счастье* × *слышать о песне, узнать о счастье*; в первом случае объект име-

ет непосредственную связь с субъектом. Эту связь осуществляет глагол: глагол выражает действие субъекта, которое имеет назначением и целью прямой объект, с которым субъект через действие, выраженное глаголом, имеет прямое общение и связь. Во втором случае объект не имеет непосредственной связи с субъектом, глагол не имеет назначения установить такую связь. Глагол выражает действие субъекта, которое имеет назначение ввести объект в поле интересов субъекта. В древнерусском языке винительный беспредложный употреблялся и в таких в случаях, в каких современный язык допускает только предложную форму или какую-нибудь другую замену винительного (ср. Ломтев 1954, 57–58).

В дальнейшем происходила логико-семантическая дифференциация беспредложного и предложного винительного падежа, а также вытеснение беспредложного винительного формой других косвенных падежей предложных и беспредложных (ср.: *воевати кого* > *воевать с кем*, *мстити кого* > *мстить кому*, *слышати что* > *слышать о чем* // *слышать про что*). Предложно-падежная форма объекта при глаголах познания, сообщения встречается уже в древнерусских памятниках, ср. *Слышахъ о тебе* (Пов. вр. лет). С XIV в. дополнение в форме местного падежа с предлогом *о* при глаголах рассматриваемого типа уже последовательно употребляется (особенно в деловой письменности, которая была более близка к живой речи (ср. Борковский – Кузнецов 1963, 435). Минская русистка Е. И. Янович (1986, 259) добавляет, что в романе в стихах „Евгений Онегин” А. С. Пушкина еще засвидетельствованы такие конструкции, как *Он пел разлуку и печаль, И нечто, и туманну даль*.

Расширение употребления косвенных дополнений за счет прямых не исключало и обратного развития – замены косвенных дополнений прямыми. Это, например, имело место при глаголах, обозначающих внутренние переживания и чувствования (ср.: *судить кому* > *судить кого*, *ругати кому* > *ругать кого*). Причину изменения глагольного управления в каждом конкретном случае установить трудно, хотя в общем можно считать несомненным, что причина лежит в изменении семантики глаголов. Предполагается также и влияние синтаксической аналогии на изменение глагольного управления. Например, изменение управления глагола *одоleti* (*кому, чему*) с дательного падежа на винительный произошло, очевидно, под влиянием синонимичного глагола *победити* (*кого, что*), который исконно управлял винительным, ср.: *одоleti врагу* > *одоletь врага* (ср. Янович 1986, 259).

Кроме обозначения прямого дополнения винительный беспредложный падеж употреблялся в **обстоятельном** значении.

Конструкции с беспредложным винительным падежом могли обозначать действие, занявшее **часть времени** (ср. Крысько 2006, 73–76; Žaža 2009).

Ср.: *Азь утро посю по вы* (Пов. вр. лет); *Осень умре половечьскый князь* (Пов. вр. лет); *Не прихожаше зять по невесту, но приводяху вечерь* (Пов. вр. лет); *А в Русу ти, княже, ездити осень, а в лето не ездить* (Дог. гр. Новг. 1266 г.); *Вечерь вниде въ хлевину* (Жит. Феод. Печ.).

Далее эти конструкции могли обозначать действие, занявшее *весь период времени* (ср. Крысько 2006, 77–79; Žaža 2009).

Ср.: *И седеша новгородци бес князя 9 месяць* (Новг. лет.); *Бысть тишина все лето* (Новг. лет.); *Иде Волховъ вспять дни пять* (Новг. лет.); *Бишася день, бишася другый, третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы* (Сл. о п. Иг.); *И тутъ жиль есмь месяць* (Жит. Феод. Печ.); *Горе ноць и весь день* (Лавр. лет.).

Группа слов, употреблявшихся без предлога, была ограниченной: *утро, день, вечерь, месяць, ночь, весна, лето, осень зима* (ср. Борковский – Кузнецов 1963, 436).

Дальнейшая судьба этих конструкций была неодинаковой. Конструкции, обозначающие действие, занявшее весь период времени, в современном русском языке сохранились, ср.: *Он проспал всю ночь, Целый час я вас ждал, Целый день он просидел над конспектами, Всю зиму он занимался разными видами спорта, Он помолчал минуту.*

Употребление винительного времени со значением действия, занявшего часть времени, значительно сократилось. Винительный падеж с этой семантикой засвидетельствован лишь с определением *каждый*, ср.: *Каждый вечер я слушаю радио, Каждое лето мы отправляемся в экспедицию* (ср. Стеценко 1977, 102).

Впоследствии произошла дифференциация этих временных оттенков значения путем введения предлогов *въ, на* для указания конкретного времени действия. Этот процесс отражен в древнерусских памятниках.

Ср.: *Въ то же лето ... приде Всеволод* (Новг. лет.); *А на осень преставися Ольгъ* (Новг. лет.).

Как было указано выше, беспредложная конструкция употребляется в том случае, если действие охватывает весь период времени.

Весьма ограниченным было употребление беспредложного винительного для обозначения *места* (srov. Žaža 2009). Конструкции обстоятельств места в древнерусском языке в большей мере, чем обстоятельств времени, соответствуют современному. Для обозначения *пункта, к которому направлено движение*, засвидетельствован винительный без предлога при глаголах движения (ср. лат. *ire Romam*).

Ср.: *Глебъ же вниде Черниговъ* (Пов. вр. лет.); *Людие же бежаша внешний градъ* (Пов. вр. лет.); *Подступили Константинъ градъ* (Ип. лет.).

Эта же форма употреблялась для обозначения *движения через определенное пространство* (ср. Крысько 2006, 54).

Ср.: *Хоцю бо, рече, копе приложити конецъ поля Половецкаго* (Сл. о п. Иг.); *Князь Мстиславъ Галицкии пребродися Днепръ* (Сузд. лет.); *Пробеже Лядьскую землю* (Ипат. лет.); *Перевезся реку* (Ипат. лет.).

Следует отметить, что употребление беспредложного винительного места было в древнерусском языке ограниченным и в последующей истории языка беспредложные конструкции заменялись предложными – с предлогами *в, через* (ср.: *вошел в Чернигов, переправился через Днепр*). Употребление

некоторых из них известно уже древнерусскому языку, ср.: *Вниде Вячеславъ въ Переяславль* (Пов. вр. лет). Большинство предлогов, которые употреблялись с винительным падежом, стояли и при других падежных формах. Исключительно с винительным падежом употреблялись предлоги *про*, *сквозе*, *черезь*.

В современном русском языке остатки такого бывшего употребления беспредложного винительного падежа отражаются в наречных выражениях, ср.: *иди вон*, *ступай прочь* < древнерусск. *гряди вѣнь*, *иди проче* (ср. Ломтев 1954, 57).

В заключение можно сказать, что в древнерусском языке были широко распространены беспредложные конструкции. В ходе исторического развития языка они были в большинстве случаев вытеснены предложными, которые стали более точно и дифференцированно обозначать функции, выполнявшиеся прежде преимущественно падежными формами.

Примечание:

По соображениям типографского характера в древнерусских иллюстративных примерах заменяются некоторые буквы кириллицы буквами, имеющимися в современной азбуке, в связи с тем, что вполне аутентичные формы букв не имеют решающего значения для проводимого лингвистического анализа. Так вместо *ятя* и *прейотированного е* пишется *е*; вместо *юсов* и *прейотированного а* – *я*, *ю*; вместо *фиты* – *ф*, вместо *оу* – *у*.

Цитируемые древнерусские источники

Дан. 1430 – *Данная князя Дмитрия Александровича Троице-Сергиеви монастырю на его Дмитриеву „куплю“*. В кн.: Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси. Москва, 1952.

Дог. гр. Новг. 1266 – *Договорная грамота Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем*. В кн.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова.

Дух. 1440 г. – *Духовная Мариш Петелиной*. В кн.: Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси, т. 1.

Жал. гр. 1450 г. – *Жалованная тарханная, несудимая и оборочная грамота великой княгини Софии Витовтовны Троице-Сергиева монастыря игумену Мартиниану на варницы*. В кн.: Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси, т. 1.

Жит. Феод. Печ. – *Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского, списание Нестора по характерному списку московского Успенского собора*. Сообщил А. Попов в Чтениях общества истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 1. Москва, 1879.

Ипат. лет. – *Летопись по Ипатьевскому списку*. Изд. Архангельской комиссии. Санкт-Петербург, 1871.

Лавр. лет – *Лаврентьевская летопись, 1377 г.* Полное собрание русских летописей, т. 1, вып. 1–2. Изд. 2-е. Ленинград, 1926–1927.

Моск. лет. – *Московский летописный свод конца XV в.* Москва – Ленинград, Изд-во АН СССР, 1949.

Новг. лет. – *Новгородская первая летопись по синодальному списку.* В кн.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва – Ленинград, Изд-во АН СССР, 1950.

Печ. пат. – *Киево-печерский патерик по древним рукописям.* Киев, 1909.

Пов. вр. лет – *Повесть временных лет по Лаврентьевской рукописи 1377 г. Часть первая.* Текст и перевод. Под ред. В. П. Адриановой-Перец. Москва – Ленинград, Изд-во АН СССР, 1950.

Сл. о п. Иг. – *Слово о полку Игореве.* Москва, Изд-во АН СССР, 1950.

Сузд. лет. – *Суздальская летопись по Академическому списку.* В кн.: *Полное собрание русских летописей, т. 1, вып. 2.* Ленинград, Изд-во АН СССР, 1928.

Литература

- БОРКОВСКИЙ, В. И. – КУЗНЕЦОВ, П. С. 1963. *Историческая грамматика русского языка.* Москва, Изд-во АН ССР.
- ВИНОГРАДОВ, В. В. 1972. *Русский язык. Грамматическое учение о слове.* Изд. 2-е. Москва, „Высшая школа”.
- ДЕСНИЦКАЯ, А. В. 1947. *К вопросу о происхождении винительного падежа в индоевропейских языках.* Известия АН СССР (секция литературы и языка), 6, 493–499.
- ИСАЧЕНКО, А. В. 1954. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Часть первая.* Братислава, Изд-во Словацкой Академии наук.
- КРЫСЬКО, В. Б. 2006. *Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность.* 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва, ООО „Издательский центр ‘Азбуковник’”.
- ЛОМТЕВ, Т. П. 1954. *Из истории синтаксиса русского языка.* Москва, Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР.
- ЛОМТЕВ, Т. П. 1956. *Очерки по историческому синтаксису русского языка.* Москва, Изд-во Московского университета.
- ОБНОРСКИЙ, С. П. 1946. *Очерки по истории русского литературного языка старшего периода.* Москва – Ленинград, АН СССР.
- ПОТЕБНЯ, А. А. 1958. *Из записок по русской грамматике 1, 2.* Москва, Учпедгиз РСФСР.
- СТАНИШЕВА, Д. С. 1966. *Винительный падеж в восточнославянских языках.* София, Изд-во БАН.
- СТАНИШЕВА, Д. С. 1958. *Некоторые вопросы исторического синтаксиса падежей славянских языков.* В кн.: *Славистичен сборник. Т. 1. Езикознание.* София, Издание на Българската Академия на науките, 13–31.
- ЧАНТУРИШВИЛИ, Д. С. 1982. *Система падежей, доминанция падежных систем и дистрибуция винительного падежа в русском языке.* Вопросы языкознания, 1, 87–96.
- ШАХМАТОВ, А. А. 1941. *Синтаксис русского языка.* Ленинград, Государственное учебно-педагогическое издательство.
- ШВЕДОВА, Н. Ю. (ред.) 1980. *Русская грамматика I–II.* Москва, „Наука”.
- ШВЕДОВА, Н. Ю. – ЛОПАТИН, В. В. (ред.). 1990. *Русская грамматика.* Изд. 2-е, исправленное. Москва, „Русский язык”.
- ЯНОВИЧ, Е. И. 1986. *Историческая грамматика русского языка.* Минск, Изд-во Университетское.
- BAUER, J. – MRÁZEK, R. – ŽAŽA, S. 1979. *Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy II. Skladba.* SPN, Praha.

- GÜLDENSTUBE, O. V. 1923. *Gebrauch der Kasus im Altrussischen*. Anzeiger für slavische Philologie, 38, 150–182.
- HAVRÁNEK, B. (red.) 1976. *Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy I. Hláskosloví a tvarosloví*. SPN, Praha.
- JAKOBSON, R. *Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre*. 1936. Travaux du Cercle linguistic de Prague 6, 240–288.
- KURYŁOWICZ, J. 1949. *Le problème du classement des cas*. In: Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego IX. Kraków, 20–43.
- MRÁZEK, R. – POPOVA, G. V. 1982. *Historický vývoj ruštiny*. SPN, Praha.
- ŽAŽA, S. *Der adverbiale Akkusativ im Griechischen, Lateinischen und Altrussischen*. 2009. In: *Early European Languages in the Eyes of Modern Linguistics*. Masaryk University, Brno, 359–367.

Doc. PhDr. Aleš Brandner, CSc.
Ústav slavistiky
Filozofická fakulta Masarykovy univerzity
Arna Nováka 1
602 00 Brno
Česká republika
<e-mail: brandner@phil.muni.cz>

